

ГОНГ

Газета о нашей гимназии

26 сентября 2007 год № 1 (120)

От редакции

Дорогие гимназисты!

Редколлегия газеты «ГОНГ» приветствует вас в новом учебном году и желает здоровья, всевозможных успехов, удачи! Учебный год начался и стремительно покатился вперед. Покатился так быстро, что мы не заметили, как прошел первый месяц, а еще ни одна газета не вышла. Однако редколлегия газеты собиралась уже несколько раз. Правда, никаких интересных идей по поводу содержания, оформления и распространения газеты не появилось, и здесь мы рассчитываем на помощь и поддержку читателей.

В то же время мы обсуждали летние впечатления и летние достижения и решили первые выпуски газеты посвятить теме: «Страна должна знать своих героев». Первая газета подготовлена учениками 10 класса «Г». Это живой яркий рассказ о гуманитарной практике. Правда, здесь ближе бы были слова: «страна должна знать свои таланты».

Следующие номера предполагается посвятить биологической практике (корреспонденты 9 «Б», 10 «Б», 11 «Б»), рассказу о победе математиков в турнире журнала «КВАНТ» (корреспонденты 9 «В»). Особое место мы хотим уделить повествованию об успехах отряда нашей гимназии в летнем лагере в Скадовске. Забегая вперед, скажем, что это были действительно победы. Первое место – в общелагерной спартакиаде, первое место – в общелагерном интеллектуальном состязании (предметные олимпиады). И как итог – кубок «Лучшему отряду в лагере». Это большая радость. Выпуск «ГОНГа» на эту тему готовят корреспонденты 11 «А», 11 «Г», 10 «В».

Дорогие гимназисты! Читайте свою газету. Пишите о самом интересном и важном для вас, о том, что вас волнует, делитесь своим творчеством. Только тогда газета будет интересна.

Многие из нас привыкли путешествовать, и, думаю, не найдется в нашей школе человека, который никогда в жизни не покидал свой горячо любимый угол, чтобы проникнуться атмосферой другого пространства, который не желал бы увидеть что-то новое, необычное, антибанальное. Что-то такое, что удивило, поразило бы его искусственную сетчатку глаза, и заставило бы набалованный желудок не напоминать о себе как можно дольше. Мы с классом хотя бы раз в год пытаемся (изо всех сил, надо сказать) заставить своё сердце биться чаще, легкие, привыкшие к городскому отравленному воздуху, буквально-таки задыхаться чистейшим загородным и выезжаем на летнюю гуманитарную практику. Конечно, в момент сборов плохо понимаешь, что же на самом деле тебя ждет; не успел оправиться от экзаменов, уже нужно собираться в какое-то забытое (по мнению многих) Богом место и, опустошая уже и так изрядно истощенные за целый учебный год резервы организма, отправляться в путь. Обычно нас подстерегают многочисленные бытовые проблемы, но, поверьте, что всё это уходит на второй план, когда ты валяешься на свежей зеленой траве и любишься единственно прекрасным в своем роде небом Михайловского или непривычно спокойными для москвичей деревенскими проселочными улочками Ферапонтово.

Промокшая обувь, бесконечные комары, поглощающий всех и каждого голод вспоминаются только по возвращении домой, а там все внимание сконцентрировано на окружающем тебя мире, который заменяет остальные бытовые мелочи и неудобства жизни на все 100 процентов.

И каждый раз кажется, что пробыл *там* слишком мало, думаешь про себя: «Ещё бы дня два-три...» - но понимаешь, что их не хватило бы, чтобы впитать ту квинтэссенцию прекрасного, другого, настоящего и, вполне возможно, лучшего в своем роде. Ведь даже после практики находишься в ожидании окончания грядущего учебного года, чтобы вновь бережно спрятать в шкатулку ощущений новый незабываемый образ.

Марджи Надежда, 10г

* * *

Тучная сумка «спала», развалившись посередине комнаты. В том, как она была раскрыта скорой, суетной рукой, была заключена необъяснимая лень. Не был убран веер тезисных планов - печальная эпитафия прошедшему году. Билеты терялись где-то за грустно опускающимися на стол шторами. За ними в ситцевых складках мерцало, преломлялось в искривленной гримасе боли солнце.

Я пыталась задушить незастегивающуюся дорожную сумку, как на меня налетел дерзкий порыв чувства, что кончается еще один известный срок жизни и приближается окрыленная радостью надежда на что-то новое, такой угар счастья, от которого туманит рассудок.

От соседей долетал в открытую балконную дверь звон, лязг посуды, и в нём, и в ропоте пыльного ненавистного города сквозь умственный дым фантазий, сквозь счастье от беспричинного чувства все яснее ощущалось тяжкое благословение лета...

* * *

По-моему, есть одна особенность нашей поездки в Михайловское, так отличающая ее от других: в Греции или Италии все время силишься воспринять окружающий мир из древности (воображаешь, как было в Эпидавре еще до нашей эры); в Михайловском подлинник - природа (и домик Довлатова, несомненно - оазис среди Михайловского и перестроенных усадеб! ☺). Тут можно натолкнуться на мысль о том, что случится через век: поле зарастет молодым березняком, Сороть затянет илом и тиной, но точно останется ощущение чистоты, какой-то открытости, радости, легкости и благословенности.

Абоймова Анна, 10г

Михайловский кубик-рубик

Впечатление первое. Татуированное и в майке

С самого начала, когда я только приступила к фильтровке разношерстной толпы Михайловских впечатлений, мне стало ясно, что понятия "Михайловское" и "поездка в Михайловское" совершенно разные вещи. Первое - это лишь кусочек того кубика-рубика, который я попыталась собрать из пестрых, диких воспоминаний, ощущений и ассоциаций.

Первым впечатлением оказался лысый устрашающий дядька, на свою беду оказавшийся нашим соседом. Впечатление он произвел на родителей тревожное, у своих же непосредственных попутчиков (то есть нас) вызвал нездоровое многозначительное хихиканье. Однако по мере приближения к Пскову опасный тип постепенно приобретал все больше достоинств. Он оказался наибезобиднейшим соседом, непрерывно созерцающим пейзаж за окном. Наша симпатия усилилась после того, как он достал из кармана очки с одной дужкой, а также когда кто-то чуть не наступил на него ночью, взгромождаясь на верхнюю полку. Когда же дядька еще и помог достать наши чемоданы, при этом неудачно пошутив, он просто-напросто покорила наши юные сердца.

Впечатление второе. Гуашево-оранжевое

Впечатление зародилось на верхней полке плацкартного вагона из банального, монотонного, восхитительного стука колес и не менее банального, но не менее восхитительного закатного пейзажа за окном. Создалось впечатление. Медленно, тягуче и вязко оно тянулось вдоль рельс, как бесконечная декорация леса, сожженного до угольной черноты густым тяжелым закатом. Впечатление затягивало как омут, мерно стуча колесами, разрезая окно поезда на картонную тьму и ослепительный багрянец, который, достигнув своего апогея, стекал постепенно каплями куда-то за границу видимого, оставляя за собой неяркий оранжевый след.

Впечатление третье. Серо-голубое

Псковские впечатления окрашены в пасмурно-серебристые цвета. Наверное, это влияние сонного пейзажа со свинцовой гладью реки, отделенной от голубовато-жемчужных облаков стеной монастыря,

пейзажа с непременными просыпавшимися с неба на реку блестками солнца, с обязательной фигурой рыбака у берега.

И на этом серо-голубом фоне выделяется одно белое пятно - храм Рождества Иоанна Предтечи. Лишенный барочных ухищрений, как будто свободный от

человеческого тщеславия, он выступает вперед в своей первобытной мощи. Этот храм не воспринимается как произведение искусства, как образец архитектуры, он естественен, органичен, непререкаем, беспрекословен.

Впечатление четвертое. Дорожно-полевое

Дорожно-полевые впечатления - это в первую очередь "псковские дали". И даже не нужно задаваться вопросом: "Это дали? Типично псковские?", сравнивая реальные "дали" с изображенными на открытке. Когда смотришь на это восхитительно-безбрежное, бескрайнее пространство, залитое лениво-зеленым свободным потоком травы, становится в общем-то совершенно все равно, типично псковские это дали или какие-то другие. Даже я (а пресное патриотическое чувство было мне всегда несколько чуждо) ощутила что-то необыкновенно родное в двух ленточках дороги, растворяющихся постепенно в мягкой зелени холмов.

Впечатление пятое. Геометрически-музейное

В самой усадьбе живет Пушкин. Пушкин чистенький, с которого "служители пушкинского культа" тщательно стерли пыль веков, мешающую созданию аккуратного, плоского образа в рамочке. На меня, честно говоря, никогда не производили впечатления стул, на котором сидел поэт, кровать, на котором спала няня поэта, стол, за которым "великий поэт написал свои знаменитые строки" и тому подобные экспонаты всяческих музеев-квартир. Сколько я бужу восторженное чувство приобщения к жизни "великого поэта", оно мирно спит в глубинах моей черствой души. Не разбудили это чувство ни аккуратненькие белые скамеечки в парке, ни аллея Керн, ни бронзовый Александр Сергеевич в цветах.

Зато что-то очень пушкинское ощущаешь в этом пейзаже, открывающемся из окна усадьбы: в гармонии голубых, коричнево-красных и зеленых оттенков, в облаках, волнистые очертания которых повторяют рельеф холмов. Как и в пушкинской поэзии, в этой природе чувствуется какое-то неброское изящество, ненавязчивая философия.

Впечатление шестое. Золотисто-бордовое

Совершенно иное впечатление производят те же самые "дали", преобразенные закатным солнцем. Это переливы цвета, это вдохновение солнца, полосами окрасившего траву в черепично-багряные, темно-зеленые с золотом краски, это красно-бурые стволы сосен, искупавшихся в потоке солнечных лучей. Какое-то прощальное буйство, пышное, сияющее торжество, которое ярко, неудержимо и неуловимо быстро разгорается, вспыхивает всеми возможными оттенками багряного и золотого и, так же быстро исчерпав себя, затухает и гаснет, потонув в серых сумерках.

Милоградова Юлия, 10г

Эссе о поездке в Михайловское

10 г класса

Глава I.

17 июня и ранее.

Нетерпеливое «до» и долгожданное «в».

Рассеялась пелена давно строго нависших и серьезно угрожающих нам экзаменов, и в нашем сознании всплыло огромными буквами: «МИХАЙЛОВСКОЕ»!!! До «всепожирателей» и «всецело угнетающих» о нем, похоже, никто и не задумывался. Ну и сразу же, конечно, быстрые сборы, чемоданы, магазины, споры-ссоры по поводу кто и с кем жить будет - в общем, аналогично всем прошлым поездкам. Но каждый осознавал, что сама поездка не будет аналогична ни одной: ведь 10-ый «Г» ехал в пушкинские места и должен был отнестись к этому ответственно и со всей присущей ему серьезностью. Ну, серьезности, как и обычно, хватило только до вокзала, но и на том спасибо. «Распихавшись» и равномерно распределившись по вагону (точнее, равномерно распределиться было задачей лишь Натальи Николаевны, но ей это не удалось за неимением достаточного количества взрослых, которые могли бы проследивать все купе и патрулировать коридор), мы попрощались с Родиной в лице наших мам и пап и уже полностью сосредоточились на будущей поездке.

Поезд неся в лучах закатного солнца, мерно постукивая колесами, отсчитывающими километры и года, отделяющие нас от поэта. Поезд ясно осознавал свою цель: смешать две эпохи, смыть границу, разделяющую нас с Пушкинскими Горами XIX века. И как потом оказалось, ему это удалось.

Клавдия Ивановна, с трудом волоча себя и свой розовый в белый цветочек чемодан, купленный накануне на Черемушкинском рынке всего за пятьсот рублей, чем очень радовавший свою хозяйку, наконец, пробралась на свою дальнюю полку, находящуюся в самом конце вагона и, выпустив воздух, с облегчением села.

Чуть не опоздавшая Клавдия Ивановна ехала на поезде Москва-Псков, отходящем из Москвы 17-го июня в 19:28. Ехала она в маленькую деревеньку под Псковом навестить свою троюродную сестру. Достав большой кружевной платок, Клавдия Ивановна вытерла лоб и огляделась: прямо сказать, с соседством ей явно не повезло. Ее, несчастную даму в годах, окружали какие-то подростки, постоянно шастающие по коридору и время от времени задевающие ее чемодан, бесконечно проходящие в туалет и совершенно не закрывающие за собой дверь! Клавдия Ивановна была в ужасе от поселившихся напротив нее девушек, постоянно гогочущих, без умолку болтающих, запевающих жуткие песенки, пьющих некую «соса-солу» и жующих извергающие жуткий запах чипсы. Она вспомнила себя пятнадцатилетней девочкой в ситцевом платье в горошек, зачитывающейся Тургеневым, и фыркнула, достала сваренную днем курицу и остальную еду, взятую с собой, и решила, несмотря на окружение, поужинать. По коридору продолжали носиться дети, это приводило Клавдию Ивановну в ужас. Периодически мимо пробегала женщина с короткими темными волосами и сильно громким голосом (как поняла Клавдия Ивановна – их учительница) и выуживала очередную партию детей из тамбура. Поужинав и немного посмотрев на пейзаж из окна, Клавдия Ивановна решила лечь спать, так как время уже было позднее, а вставать надо было рано. Она легла, предварительно выпив лекарство, и попыталась заснуть, но попытки ее были тщетны – неутомонные подростки, а вместе с ними и женщина с громким голосом, лишь вошли в кураж. Клавдия Ивановна отвернулась к стенке и закрыла глаза, в минутной паузе между криками ей даже удалось заснуть, но все равно сквозь сон она продолжала слышать: «ЯРАМЫШЕВ, БЫСТРО НА СВОЕ МЕСТО! И ЧТОБ Я ТЕБЯ НЕ ВИДЕЛА И НЕ СЛЫШАЛА. ЗАМОЛЧИТЕ ВСЕ!!! И БЫСТРО СПАТЬ, ВЫ МЕШАЕТЕ ОКРУЖАЮЩИМ, ВЫ ТУТ НЕ ОДНИ!!!»

Проводница разбудила Клавдию Ивановну в 3:40 и предупредила о скорой остановке. Клавдия Ивановна собрала свои вещи, периодически вслушиваясь в храп и шепот, и с заметным облегчением покинула вагон.

Почти 10-ый «Г» практически у цели.

Следующий день (а для кого и тот же) начался с мощного крика, раскатившегося по коридору: «Санитарная зона!!!» К чему был этот крик души никто так и не понял, но подействовало безошибочно – через полторы минуты очередь в туалет достигла своего апогея.

Ну, дальнейшее можно пропустить за отсутствием особых событий и переместиться уже в славный город Псков. Мы ехали по городу на автобусе и узнавали прежде виденные места, вспоминалась прошлая поездка, и на

лицах появлялись невольные улыбки, позже оттуда уже «не слезающие».

В этот день по пути на турбазу, докуда было еще ехать и ехать, мы посетили Снетогорский монастырь. К вечеру доехали до турбазы и, расположившись, побежали осматривать окрестности, благо было на что посмотреть.

**Наслаждающееся нашим приездом
Михайловское.**

Дело в том, что турбаза, на которой мы расположились, находилась в 6 км от самого пристанища поэта, что побуждало нас практически каждый день проходить это расстояние. Для некоторых подобные прогулки оборачивались болтовней и песнями, для других – наслаждением природой и перенесением себя в пушкинскую эпоху (сознание того, что там, где ты сейчас стоишь, некогда стоял создатель «Я помню чудное мгновение...» поистине чарующе), для кого-то – стиранием ног или «растрясанием» жира, что радовало, наверное, не меньше. С погодой везло постоянно, и пешие прогулки по

полям и лесам все равно для всех оказывались удовольствием.

Мы зашли на территорию поместья и, разделившись на две группы, зашли в дом поэта, затаив дыхание, чтобы ни коим образом не нарушить некогда сложившуюся атмосферу. Но как потом оказалось, атмосфера была нарушена задолго до нас. Под монотонное чтение экскурсоводом «Мой первый друг, мой друг бесценный...» и его заунывный рассказ о ссылке Пушкина, что мы и сами могли ему не хуже рассказать, мы бродили по комнатам, где в строгом порядке огороженные стояли какие-то «искусственные» предметы, явно никак не причастные к жизни поэта. Дом, практически полностью восстановленный, совершенно не сохранил прежний творческий дух, некогда царивший здесь. Трудно было представить себе Пушкина, чинно расположившегося в этих симметрично расставленных предметах. Спас лишь случайно брошенный взгляд за окно, где все было так, как и около двухсот лет назад.

Расплылось огромное озеро, окаймленное раскинувшимися берегами с переливающейся всеми цветами на солнце травой, а над всем этим величественное, но смягченное своей воздушностью и невесомостью своих облаков небо. Лишь тогда стала ясна истинная причина нашего туда приезда: не столы и стулья, якобы на которых и за которыми сидел Пушкин, а то, что находится там, за его окном. Вот, что было и правда его, вот, чем он жил каждый день, куда падал его взор. Только через это можно к нему «прикоснуться» и постараться понять. И как-то сразу светлее стало от сознания того, что ты вовсе не мебель приехал сюда смотреть. С трудом дождавшись окончания экскурсии, мы высыпали на улицу и, обойдя дом, ринулись с горы, ведущей в поле.

Ты идешь с горы, а точнее ноги настолько тебя тянут, что ты уже почти бежишь, а рядом с тобой также, колосясь на ветру, «бежит» трава, украшенная пестротой полевых цветов. Вдалеке за спокойствием озер слегка покачивается

на ветру грозно-величественный лес, а периодически взор падает на одинокое изящество березок. Ноги доносят тебя до конца склона, и ты упираешься в

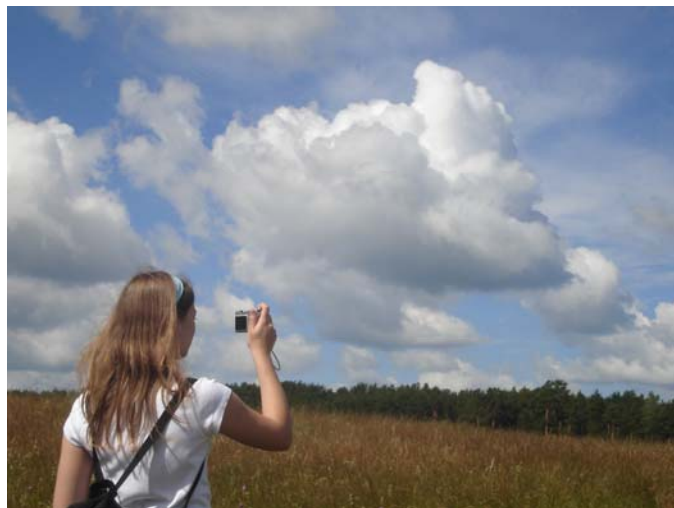

старую, скрипящую о своей старости ветру мельницу. И словно без сил или же просто от восхищения валишься на землю влюбленный в эту траву и ее аромат, переворачиваешься на спину и уносишься в небо, ничуть не давящее на тебя, а наоборот – уносящее ввысь. Или же, закрыв глаза, вслушиваешься в мерное, спокойное жужжание

трудящихся и ссорящихся насекомых, в колыхание травы и слегка слышное журчание воды, чей-то смех и растворенные во всем этом голоса.

Но времени, как всегда, не хватает, и с таким же воодушевлением поднимаешься вверх и направляешься в Михайловский парк. Вот они – мемориальные деревья, настоящие участники всего некогда происходящего, величаво поднимающиеся вверх, как старцы, умудренные опытом, гордо шелестящие знакомые строки, под ними сочиненные.

Они словно осознают свое превосходство над тобой в том, что видели куда больше на своем веку.

Мы достаточно долго бродили по пушкинскому парку, все более и более увлекаемые в чащу рождавшихся в нас чувств.

Но вот и обратная дорога до базы уже более тяжелая физически, но все равно вызывающая лишь радость. Обед, переваривание как съеденного, так и полученной информации, пропущенная (случайно!!!) лекция по портретам (о чем потом очень сожалелось), поздравления счастливых, рожденных в этот прекрасный день, а далее все как у нас обычно.

Глава IV.

20 июня.

Дорога восхищений.

Помню, что встали рано... Сегодня по предсказанию учителей, мы должны были посетить две усадьбы, что пугало менее всего, но возвращаться из них предстояло пешком, а путь неблизкий – 10 км. Но, собравшись с силами, мы медленно заползли в автобус. Первая усадьба Петровское принадлежала роду Ганибаллов – предкам Пушкина. Мы бродили по усадьбе, слушая или же не слушая, что звучит правдоподобнее, экскурсовода. После этого мы направились в Тригорское. Именно здесь некогда проживало семейство Керн, к которому и принадлежала Анна Петровна Керн – близкая знакомая Александра Сергеевича.

Бродили по обширным залам, представляя, как здесь, собираясь за большим обеденным столом, сидело все семейство, а вместе с ними и поэт.

После этого мы отправились в парк, где ходили по дорожкам, восхищаясь природой: маленьким прудиком, гордящимся своей красотой и словно выставляющим под лучики солнца, чтобы их лучше было видно, свои

кувшинки, слегка покачивая ими, как будто хвастаясь.

Теперь же нам предстояло через Саввкину горку пройти в Михайловское, откуда мы уже и направились на турбазу. Мы двинулись в путь. Дорога была дальняя, но словно извиняясь за это

и смущаясь своей длины, она возмещала это своей красотой. Мы то взбирались на почти вертикальные склоны, а потом поддерживаемые каким-нибудь добродетелем, с криками и смехом летели вниз, то шли друг за другом в высокой траве, слегка по-доброму ворча, то, растянувшись на всю ширину шоссе, орали какие-то песенки.

Наконец взобрались на вершину Саввкиной горки и обессиленные, но все-таки счастливые упали в предлагавшую нам эту траву. В этот момент появилось ощущение того, что именно эта горка и есть центр Земного шара, потому что именно к ней сходились и леса, и поля, и озера, и небо,

тянувшееся к ней, но все-таки старающееся находиться на безопасном расстоянии. Тут же появился легкий ветерок, напоминающий и о своем существовании и зовущий за собой. И, словно поддавшись этому зову, мы двинулись дальше к расположившемуся где-то вдали на возвышении домику Пушкина.

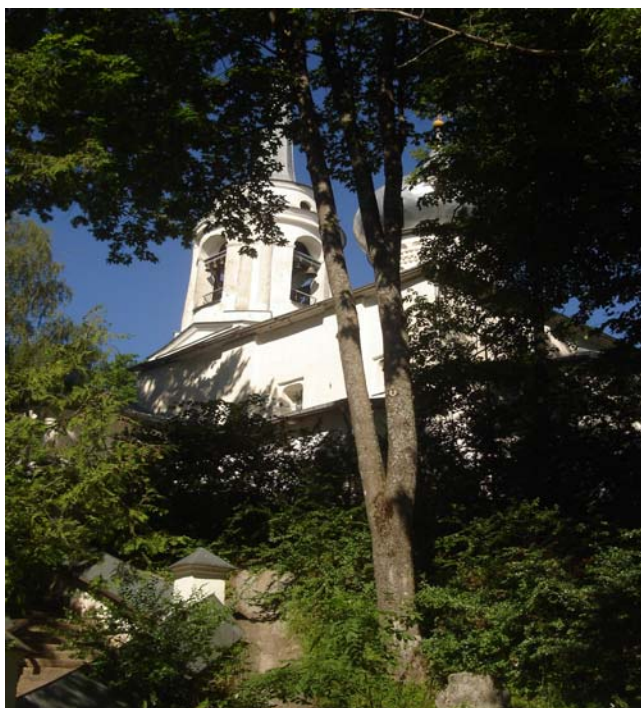
В итоге, дороге удалось, словно немного напуганной, смущенной девушке, искупить свою вину в полной мере. Остановившись на обед в кафе посреди леса и насладившись едой, показавшейся в этот момент особенно вкусной, мы дошли уже остаток пути правда с болящими ногами, но все-таки с улыбками.

Глава V.

21 июня.

Последние попытки «вдохнуть» прекрасное.

Минутах в десяти ходьбы от турбазы находится Святогорский монастырь. Именно здесь 170 лет назад был

похоронен погибший на дуэли поэт. Вот такая нелепость забрала его, словно насмехаясь над его бессилием, но и не догадываясь, кто истинный победитель в этой неравной борьбе.

Солнце играло с храмом, тонущем в листве. Мы стояли внизу, невольно поднимая головы, пытаюсь разглядеть, что же кроется там, на горке в гуще зелени. Медленно поднявшись и

обогнув храм, мы подошли к могиле. Чувство скорби проскользнуло по лицам, несмотря на то, что это неизбежность, как и все смерти. Солнце продолжало бросать свои лучи на наши лица, на цветы, на эти ужасные буквы, словно раззадоривая нас и подгоняя, заигрывая и зовя отбросить не идущую нашим лицам

печаль. Поддавшись ему, мы спустились и, зайдя на турбазу, вновь отправились в Михайловское.

Природа вновь была рада нашему приходу. Она красовалась перед

нами, позировала в лучах солнца и в дуновениях ветерка. Экскурсий у нас сегодня тут не было, но мы не могли не вернуться. Перед завтрашним отъездом надо было попрощаться. Промелькнула жуткая мысль, что мы можем больше не вернуться сюда, но, тут же ее отогнав, каждый сделал для себя зарубку на когда-нибудь «потом» - «приехать в Михайловское». Это «потом» у каждого из нас будет совершенно свое, и пока у нас «потом» еще такое большое можно надеяться на возвращение. Оставив за спинами Михайловское другим любителям прекрасного, мы вернулись на турбазу собирать чемоданы и готовиться к отъезду.

Глава VI. 22 июня. А вообще-то пора и домой☺!!!

Распрощавшись с расписными кроватями и «омертвевшими» душами, мы без слез покинули наши номера и отправились навстречу зовущей нас Родине. Но мы как истинные патриоты должны были преодолеть множество препятствий, чтобы вернуться в родные края. Первым из них стала долгая дорога в Псков, с которой мы справились благодаря нашей склонности спать в автобусе. Дальше нам надо было посетить Поганкины палаты, где собраны коллекции купца Поганкина (человека, которому явно очень повезло с фамилией). Пройдя испытание голодом, мы заехали в кафе и пообедали. Проверку на выносливость мы прошли хорошо и, добежав с чемоданами и с только что купленной едой до отходящего поезда, мы вновь в него ввалились, смутив несчастных пассажиров своим количеством, видом и громкостью. В принципе, дорога обратно была аналогична дороге туда, только ночью спали с большим воодушевлением, а вместо ожидания на лицах появились следы воспоминаний.

Утренняя суeta, сборы, предвкушения, полусон, а между всем этим прокрадывающаяся печаль. Печаль из-за будущего расставания, из-за двух месяцев вдали от столь разных, но все-таки любимых людей.

Только мы вышли из поезда, как все растворились в толпе и на ближайшие два месяца растеклись по миру. Но все-таки успокаивает то, что всех нас вскоре объединит тяга к учебе и необыкновенное желание увидеть любимую школу, и мы с улыбками соберемся под ее дверьми☺

Паукер Анастасия, 10г

... Парк, пожалуй, самое удивительное место в селе. Многовековые липы и сосны могут бесконечно делиться с каждым желающим своей безмерной мудростью и умиротворенностью. Находясь в парке, невозможно представить, что сзади тебя люди и здания, ты как будто один на многие километры, наедине с аллеями и птицами, постоянно слетающими на самые обычные, но вместе с тем очень утонченные скамейки. И во всем вокруг: в дорожках, в деревьях, в небе, не

давящем, а только расширяющем до бесконечности пространство вокруг, в удивительных облаках, совершенно невесомых и как будто ни разу не заслоняющих за все проведенное нами в усадьбе время солнечный свет, рождающий разноцветные, ослепляющие блики на озере, - проскальзывает что-то очень личное и интимное, чем ни с кем не хочется делиться, да и не надо. Потому что, наверное, каждый чувствует то же самое, ту же гармонию и идиллию, испытывает то же наслаждение от слияния с этой землей, лежа в изумрудной траве, не выравниваемой ежедневно садовником и огороженной, как реликвия, а естественной, свежей, мягкой, какой я никогда прежде не видел. И когда лежишь в этом русском поле и видишь плывущие далекие-далекие легкие облака, холмы, отсветы озера, лес вдаль, деревянную мельницу и тоненькую дорогу, тянущуюся далеко в никуда, за холмы, понимаешь, что

рис. М. Лаптева

вот оно - настоящее тихое счастье, и оно только твое да одинокого рыбака у озера, и больше ничье.

И, думаю, такое счастье для каждого из нас повторится. И для каждого останется своим. Ведь мы обязательно туда вернемся. Вернемся, чтобы пройти те несколько километров между усадьбами, которые каждый день проходил Пушкин, чтобы послушать крики аистов в лесу, чтобы перейти Сороть, остановиться на мостике и долго смотреть вдаль, чтобы идти час по заросшей проселочной дороге и постучать в закрытые двери довлатовского дома, или просто приехать, чтобы поклониться могиле Александра Сергеевича Пушкина в стенах старинного монастыря.

Поездка - первая поездка, после которой, сев в поезд, первыми моими словами были: «Я сюда обязательно вернусь». И первый раз эту мысль очень многие поддержали. Не случайно на пути домой мы не обсуждали, как мы здорово проведем лето, не обсуждали, как классно в Москве,- мы смотрели фотографии, мы писали и читали, и смотрели в окно, даже когда далеко позади осталось место, где очень многие оставили частичку себя, забрав что-то другое, до того момента непонятное - Михайловское.

Попов Максим, 10г

Футбольный матч

Поездки с классом всегда сильно отличаются от обычных, будь то с родителями или любых других, потому что после, когда уже вернешься в Москву, на душе, с одной стороны,

становится радостно от сознания того, насколько забавен, но дружен и хорош наш класс, а с другой, - страшный груз желания увидеться снова ложится на сердце, так же идти куда-то по одной дороге, громко шумя, но именно вместе, одной толпой.

В этой поездке больше всего мне запомнился наш матч «Москва-Питер», когда все девчонки кричали так громко, что потом просто не могли говорить, а мальчишки играли так сильно и по-командному, как могли. В такие моменты всегда появляется ощущение класса, пусть в нем было много ребят совершенно не из 10 Г, важно лишь само единство.

Прикоснуться к прекрасному всегда не просто, для этого надо приложить массу усилий, но, по-моему, нам это удалось. Мы смогли переступить через детское восприятие мира и увидеть тот мир природы, который гармонично разлился по миру, словно цветной краской на белом холсте.

Лазарева Настя, 10г

Псковские дали

Один из самых популярных литературных музеев страны - пушкинский заповедник Михайловское - не привлекал бы, на мой взгляд, такой интерес туристов, если бы не был сам по себе так живописен. Действительно, ни Болдино, ни Захарово не могут сравниться с Пушкинскими горами в посещаемости - в сезон в Михайловском за день успевают побывать сотни человек.

Природа Михайловского вдохновляет и очаровывает. Царящая там

гармония - прежде всего, между человеком и природой (парки ухожены, но не безупречны, сохранена естественность) - заставляет отвлечься от суеты и лежа смотреть на бегущие по небу облака (бесконечно долго, так, как можно смотреть только на пламя костра) и создает эмоциональный фон, помогающий ощутить поэтическую атмосферу, пушкинское присутствие.

Именно этот лес ронял свой убор 19 октября 1825 года. Подобные мысли сопровождали меня в течение всей поездки. Ощущение было такое же, как если бы я, наконец, посмотрела фильм, сценарий которого много лет анализировала и учила наизусть. Тут творил Пушкин, бродила Анна Керн (пусть даже и не по той аллее, которую ей посвятил Гейченко), звенел колокольчик Пущина... И все они, наверное, тоже приходили в возвышенное состояние, любуясь этими просторами.

Вернувшись в Москву, я прочитала все «Михайловские» письма Пушкина. И была поражена холодностью его отзывов о тех самых красотах, которые так подействовали на меня.

Д. М. Княжевичу: *«Вот уже четыре месяца как нахожусь я в глухой деревне, - скучно, да нечего делать. Здесь нет ни моря, ни голубого неба полудня, ни*

итальянской оперы, ни вас, друзья мои. ...Уединение мое совершенно, праздность торжественна».

П. А. Вяземскому: *«О своем житье и бытье ничего не скажу. Скучно, вот и всё. ...Пришли мне стихов, умираю, скучно».*

Практически в каждом письме - о том, что *«скучно, мочи нет»*, *«...скука смертная везде»*. Везде просьбы к друзьям похлопотать о прощении, о разрешении вернуться в столицу, о переводе в другое место, на худой конец (*«ужели молодой царь наш не позволит удалиться куда-нибудь, где хотя бы потеплее, если уж никак нельзя мне показаться в Петербурге?»*). *«Пуускай позволят мне бросить проклятое Михайловское»*, *«мое глухое Михайловское наводит на меня тоску и бешенство»*, *«... и верно нога моя дома уж не будет»*. Что же это получается? Что он вовсе не наслаждался этими видами и не любовался панорамами? Скука, уныние - как возможны они в таком месте у человека, настолько тонко чувствующего красоту?

В этом дивном краю безмятежной красоты, среди блестящих на солнце озер и зеленых долин Пушкин чувствовал себя несчастным и одиноким, затравленным *«изменниками и врагами»*, охваченным *«бешенством скуки»*. Пребывание свое в Михайловском поэт расценивал как мучительное заточение (*«в глуши, во мраке заточенья / Тянулись тихо дни мои...»*).

И совсем это не похоже на того «Михайловского» Пушкина, о котором нам рассказывали экскурсоводы. Сотрудниками заповедника создан свой образ Пушкина, выгодный им - кто же поедет в деревню, где уныло и скучно жилось нашему кумиру? Каждый, пользующийся этим образом (обезличенным полуторавековым обожествлением), кроит его на свой манер, под свои нужды. Многообразие личной и творческой жизни Александра Сергеевича — достояние лишь специалистов, а для остальных оно заменено парой символических черт. Этот рукотворный образ знаком всем с детства. Можно не прочитать ни одного его произведения, да вообще ничего не прочитать, но что Пушкин - Великий Русский Поэт, «наше всё» - это знают все. И что у него были черные бакенбарды - все. А отношение к нему меняется в зависимости от того, какое сейчас «тысячелетие на дворе» и каким требуется

представить народного кумира тому или иному политическому деятелю, министру образования, директору музея-квартиры поэта.

Экскурсоводу надо обратить внимание туристов на гордость сотрудников музея - дивную панораму. Но они приехали посмотреть на *пушкинское*. Что делает экскурсовод? Расписывает, что и Пушкин, «как все мы, бродил по этим склонам и любовался этой дивной панорамой» (как довлатовская хранительница музея Виктория Альбертовна). Бродил - конечно, никто не спорит, но любовался ли? Какая разница! Зато мы все его очень любим. В «Заповеднике» Довлатова описана эта безумная общественная любовь к Пушкину, которая «была здесь самой ходовой монетой»: «Все обожают Пушкина. И свою любовь к Пушкину. И любовь к своей любви».

«И был печален мой приезд...». «В дедовских рощах стоял полумрак и веяло сыростью. Приземистый древний домик с покосившимся крыльцом - приют одряхлевших Ганнибалов - принял поэта под свою *«обветшалую кровлю»*. Почернелый от времени лес, побуревшая солома, громоздкая и убогая мебель... - всё было неуклюже, безрадостно, утрюмо» (Гроссман).

Предательство отца (испугавшись, что опала Александра распространится и на него, он решил встать на сторону правительства и согласился надзирать за сыном, что тот ему не простил), разлука с друзьями, материальные затруднения - всё это усугубляло тоску поэта и превращало для него родительский дом в тюрьму. Привычный к обществу и рассеянию, любящий веселье и шумные разговоры в дружеском кругу, Пушкин проводил время в сосредоточении и одиночестве. После южного моря осенний лесной пейзаж угнетал его, михайловские озера печально напоминали ему *«иные берега, иные волны»*.

Некоторое утешение Пушкин находил в доме своих друзей в Тригорском - но и здесь не было идиллии. Между матерью и детьми ощущался постоянный разлад

- жизнь Тригорского не была свободна от сцен и драм. К тому же ни мать, ни дочь не могли увлечь Пушкина своей внешностью и обращением - после южных прелестниц обитательницы Тригорского казались ему провинциалками. «Впрочем, понемногу он научился ценить тригорских девушек, как и картины псковской природы, и стал относиться и к тем, и к другим не без некоторой нежности». В Тригорском царила атмосфера изящного летнего флирта. Из письма Пушкина брату: *«на днях я мерялся поясом с Евпраксией [Вульф], и талии наши нашлись одинаковы. Следственно, из двух одно: или я имею талию 15-летней девушки, либо она имеет талию 25-летнего мужчины. Евпраксия дуется и очень мила, с Анеткою бранюсь, - надоела!»*. Так что, конечно, и там у Пушкина были друзья и развлечения, но это не меняет главного - два года, проведенных в Михайловском, самим Пушкиным описаны как период, прожитый *«без божества, без вдохновенья, без слез, без жизни, без любви...»*.

Если про *«без вдохновения»* - правда, а не расшаркивание перед Керн, то остается только удивляться, как можно без вдохновения столь напряженно работать и написать «Бориса Годунова», треть «Евгения Онегина», «Графа Нулина» и множество стихов.

Судьба пыталась лишить поэта живых источников его творческой деятельности и окончательно отнять у него бодрость и вкус к жизни. Но Пушкина невозможно погубить, затушить, в нем есть какая-то необъяснимая жизненная сила. Он обладал активным, одухотворяющим окружающую жизнь гением: он не подчинился унынию Михайловского, а преобразил его. Сам поэт объяснял это так: *«Поэзия спасла меня, и я воскрес душой»*.

И всё же в целом пребывание в Михайловском оказалось для Пушкина плодотворным - вынужденное одиночество заставило молодого вертопраха сосредоточиться на творчестве. Кроме того, возможно, оно было для него спасительным (кто знает, как сложилась бы судьба поэта, если бы он находился в эти мятежные годы в Петербурге, под рукой разгневанного и карающего царя).

Бернштейн Мириам, 10г

О Псков! Ты - оазис культуры России,
Тот город, тот памятник древности вечный,
Над коим не властны земные стихии,
Божественный, но все же столь человечный!
Какого ты мастера создан рукою?
Создатель церквей кто, сих храмов и сводов?
В веках будто легкой простою игрою
Ты создан умелым России народом.
Останься же, город великих свершений,
Как память потомкам, другим поколениям,
Вспомнить чтоб предков им без угрызений...
Но это, как водится, было вступление.
О главном рассказ мой последует далёк,
Спешу рассказать об одном дивном месте,
Ведь время бежит, к нашей общей печали.

Под Псковом Великим, так скажем, в уезде,
Средь горок, озер и полян земляничных,
В закатах, в восходах, в небесной лазури
(Мечтаний людских сей предел утопичный,
Что вызовет чувств необъемлемы бури)
Витает дух Пушкина... Но он заглянет
В усадьбу Михайловское, в дом поэта,
На кресло свое он присядет, привстанет,
Задержит чуть шторы от яркого света,

*Чуть-чуть, чтоб не скрыть живописны
пейзажи,*

*Пройдет по гостиной с «портретами дедов»
(Деды были все еще те персонажи);*

А вот и столовая - время обедать.

*На гору Синичью, пыхтя, и взбираясь,
От мыслей своих дух слегка отрезвится
И, Свято-Успенским на ней наслаждаясь,
Могилу увидит свою - удивится.*

*В Пригорское к Вульфам зайдет он в усадьбу
Онегина встретит, пройдут по аллее,
Он вспомнит Татьяны несчастную свадьбу,
Дуэль - и тогда оба чуть побледнеют.*

*Приблизившись медленным шагом к скамейке,
Присядут, шурша под ногами листвою,
В беседе о Лариных вспомнят семействе,
Чей образ от Вульфов поэтом присвоен.*

*Пройдет мимо парка Петровского, зная,
Что тропы знакомы ведут его к месту,
Где прадед великий его обитает,
Кем Пушкин гордился, кто человек чести.*

Поднимется выше, на Савкину гору.

Здесь слышно всю тишь заповедного леса

Ветвистая Сороть открыта обзору,

И прелесть лазури и зелени смеси.

И воздух, и запахи дикой природы,

И шелест, внезапный прилив

вдохновенья

*Вот что есть, наверное, чувство
свободы.*

И вот что стиха моего заключенье.

Фетисова Александра, 10г.

Эссе о поездке в Михайловское

Олешкевич Екатерина, 10г

«Итак, автобус уносит нас от пушкинских, таких любившихся за эти короткие пять дней мест, от красоты

поэзии и вдохновения. Почему - то кажется, что я сюда никогда больше не вернусь, а поэтому так хочется навечно запечатлеть в памяти березы под нашими окнами, скромные, но такие душевные пушкинские пейзажи, созданные природой в минуты особого вдохновения, передавшегося потом поэту, навсегда запомнить каждое деревце, каждую травинку, тропинку. Хотя и не очень верится, что там, где буквально вчера плюхались наши «копыта»,

когда-то, всего лишь пару столетий назад, ступали ноги гения. Порой даже кажется, что люди своим присутствием кощунственно оскорбляют святые, прекрасные места, места, в которых на душу снисходит умиление и счастье, прощение и любовь, как от некого святого духа вдохновения и поэзии», - так начинались мои заметки, написанные на обратном пути во Псков.

Итак, Михайловское. Само это «имя» у любого русского, да и не только, человека ассоциируется в свою очередь с другим именем - с именем Пушкина. Для него Михайловское, ссылка 1824 - 1826 годов - это период творческого (да и личностного) взросления. Не так-то легко назвать однозначную причину этого - свою роль сыграли и одиночество,

отстранение от света и мира, к которым Пушкин привык, от любимых друзей, и разлады с родителями, и сама природа, само родовое поместье Пушкиных, да и просто возраст уже не младенческий - как-никак 25 лет.

«Мне скучно, бес», - «Что делать, Фауст? Такой вам положён предел.\\ Его ж никто не преступает, \\ Вся тварь разумная скучает...» - переводил Пушкин «Фауста» в Михайловском. Переводил и скучал *сам*, не находя себя в этой, как ему сначала казалось, глуши, вдалеке от света и друзей. Нам было сложно понять его скуку - мы-то ехали с установкой, что нам не может там не понравиться (что, в общем-то, верно), да и ораве в сорок, а то и во все пятьдесят человек скучать не приходится. А Пушкин скучал, скучал и мучался этим, находя отраду лишь в разговорах с няней и вдохновении.

После ослепительного страстно-романтического, жадно вбирающего в себя ароматы роз, лилий и пьянящий запах моря, дышащего смуглыми южными красавицами и страстями Юга в жизни поэта появляется Север - размеренный, но по-своему страстный, красивый, но какой-то скромной, неказистой красотой, нисколько от этого не перестающей быть маняще пленительной. Холод севера привносит в пушкинскую жизнь нотки тихого счастья и созерцания. Каким-то непонятным образом в этой жизни умудряются сочетаться и взрослость с тихим созерцанием и жертвенной любовью («Я Вас любил, так искренне, так нежно, как дай Вам Бог любимой быть другим!»), и детская наивность и непосредственность, и бесшабашность, страсть - в какой-то степени несовместимые вещи и чувства. Пушкин был в некой степени не от мира сего - как и *любой* гений. Это как «помесь обезьяны с тигром».

Не знаю, стало ли для нас через почти двести лет то же самое Михайловское своеобразным плацдармом для взросления, но в том, что сияние природы этих мест поразило нас едва ли не так же, как когда-то Пушкина, я почти что уверена. Во всех пейзажах проскальзывала едва уловимая магия природы, каждое деревце виделось каким-то особенным, не таким, как в других местах, все просто дышало чем-то гениальным, вдохновенным, и казалось, любое неловкое движение может повредить это чудо. Сейчас, рассматривая фотографии, я понимаю, что мне из всего этого великолепия запало в душу несколько картинок, почему-то именно они оказались мне близкими, ожили в моих глазах.

Картинка первая - Петровское. В свободный час или полтора я просто открыла для себя какой-то новый мир,

новое измерение. Немножко грустное и тоскливое настроение, эдакая онегинская хандра вмиг исчезли, как только я медленно побрела по аллейке, постепенно переходящей в тропинку, подальше от остального

народа. Ну а когда я вышла из-под крон видавших самого Пушкина деревьев к видневшемуся некоему водоему (мама утверждает, что это Сороть, но я в этом, честно говоря, не уверена), то ощущение полнейшего счастья быстро-быстро засеменило по внутренней части меня, торопясь само увидеть причину и радоваться, радоваться, радоваться. Яркое светило солнце. Я лежала на знаменитой земле (эх, надо было захватить горсточку, хвасталась бы потом), впитывая тепло земли и солнца, смотрела в небо и улыбалась всему живому и сущему, улыбалась всему миру и любила его, как никогда, улыбалась и писала стихи, улыбалась и была как никогда счастлива. Солнце то

стыдливо уходило за маленькие тучки, то вновь появлялось и улыбалось мне, длинными лучами пробегая по лицу, щекам. Оно тоже было счастливо, вместе со мной. Но вернуться к реальности пришлось очень скоро - взгляд на часы оказался красноречивее многого: до того времени, когда мы должны были встречаться у главного входа, оставалось буквально пять минут. Пришлось быстро собираться и искать обратный путь - при всей своей любви с первого взгляда к этим местам перспектива остаться здесь на долгое время в качестве дикаря-аборигена не очень-то радовала.

Как ни странно, счастливые минуты в Михайловском, а точнее, недалеко от него, начались тоже не с очень хорошего настроения.

Как, вероят-но, помнят очевидцы, после ужина в кафе с исконно русским названием «Березка» некая часть народа во главе с Натальей Анатольевной осталась не так далеко от него подышать свежим воздухом. Настроение - как это

часто бывает - подводило. Лучшим *способом* от него избавиться было валяться на траве, никого не трогать и создавать такие чудеса мимики, что каждый, кто делал любые попытки ко мне приблизиться, сразу же отпрыгивал на парочку метров и поспешно поворачивался в другую сторону. Да, в общем-то, мной никто особо и не интересовался, что меня крайне радовало. Музыка на максимуме в ушах отлично отстраняла от мира, правда, не сильно поднимая при этом настроение. Хотя доставляло удовольствие просто лежать с закрытыми глазами на траве, слышать гром в наушниках, ни о чем не думать... Вдруг в глаза брызнули ослепительные лучи солнца, видные даже сквозь закрытые веки, которые неимоверной игрой тени и света ложились на лицо, давая ощутить себя почти физически. Глаза открылись едва ли не по своей собственной воле, как будто осознавая, что они ну просто

не могут, не имеют права это пропустить. И вдруг я увидела самые обыкновенные листья березки, но пронизанные светом, лучами солнца, как будто пропитанные ими, излучающие какой-то загадочно-манящий, но такой добрый блеск. Вроде бы обычная картинка, ничего нового и интересного, скажете вы. Но что-то в моей душе перевернулось, когда я увидела это. Не то, чтоб я изменилась после этого, нет. Просто все во мне наполнилось мгновенным, неудержимым и

поэтому каким-то особенным счастьем. Счастье было всюду: оно мчалось по ветвям и листьям, летело ко мне, опережая ветер; добравшись, оно качалось на каждой травинке, сидело, примостившись, на земле и камушках. Но прошло счастливое мгновение - волшебные лучи, несущие полное счастье и гармонию с собой и со всем миром, исчезли; листья стали простыми и обыкновенными, но они все еще как-то загадочно мне улыбались, а потом исчезла и улыбка.

А на следующий день снова светило солнышко, и все радовалось этому свету. Из миллионов лучей я безуспешно пыталась найти свой, счастливый, волшебный, но он нашел меня сам. Счастье лилось широченными реками, ему не было предела. Как же я люблю это чувство, когда любишь весь-весь мир, все живущее в нем, когда весь он родной, когда хочешь весь его обнять! Вот оно - счастье и гармония. Но снова исчез луч - исчезло и счастье: такое мгновенное, неуловимое, но запечатленное в сердце. А может, и Пушкин точно также получал свое вдохновение? Солнце брызнуло в лицо капельками солнечного лимонада, нашелся *свой* луч... Может быть, именно так были написаны самые светлые стихи? - Может быть. Не знаю, и, наверное, никогда не узнаю. А классно было бы, если б так! Представьте себе - когда-то, всего лишь двести лет назад Саша Пушкин точно так же, как и мы, бродил по этим аллеям -

опечаленный, задумчивый, а может быть, безумно веселый, хохочущий своим особенным, таким заразительным смехом (тогда эти аллеи, наверное, были немножко другими) - и вдруг солнечный, озорной, как и *сам* Пушкин, луч падал ему на лицо и тихо-тихо нашептывал на ушко вдохновение. И мы - мы, «надменные потомки» и «племя младое, незнакомое» - вдруг почувствовали что-то точно такое же, как чувствовал когда-то давно *сам* гений. Представляете? Тоненькая ниточка ощущений, протянутая сквозь века и эпохи, соединяющая нас и гения. Ведь Пушкин, по сути, не умер, человек не может вот так просто умереть и не оставить ничего после себя, а тем более, человек мыслящий и глубокий - дух Пушкина породил многих гениев, он живет в Гоголе, Достоевском, Есенине, живет и по сей день в умах людей, в своих стихах. А Михайловское, хранящее его следы и помнящее его, дает хоть и на миг, но понять и соединить свою душу с душой Пушкина.

А ведь вся жизнь состоит из мгновений - отделенных друг от друга, законченных по своему смыслу, а каждого следующего мгновения может уже и не быть. Волшебные миги, когда человека наполняет свет звезд и когда он может творить чудеса, удивительные миги, когда он может кардинально изменить свою жизнь, избавляясь от всего того, что делает его несчастным, когда становится возможным все. Творец милостиво рассеял их по каждому дню, они таятся в каждом движении, в тысячах, казалось бы, обыденных мелочей, над которыми люди часто даже не задумываются. Но мы, занятые насущными проблемами, слишком часто, много чаще, чем позволено, не видим, не разрешаем себе их видеть. Мы думаем о деньгах, о карьере, учебе и успешности, но не думаем о том, как быть собой, не играть чужую и чуждую роль. Нам много важнее уверенность в завтрашнем дне, в своем будущем, чем своя душа, ее голос. Как знать, может быть именно это и есть причина всех несчастий человеческого рода? А может быть, гений он потому и гений, что он более чувствителен к этим мгновениям, что он не отвергает их? Гениями не рождаются, гениями становятся. Ведь ранний Пушкин-

лицеист всего лишь отлично подбирал рифмы, а вот Пушкин поздних периодов действительно творил, сотворял наполненные глубоким смыслом стихи. От рождения у него были лишь огромные способности к написанию стихов, а способность глубоко понимать, выражать и развивать в стихах свои чувства, даже пророчествовать - это приобретенное, это следствие работы над собой и, вероятно, некой «предрасположенности» к этому. Но мне еще кажется, что гениален любой по-настоящему счастливый человек. Гениален потому, что находится в гармонии с собой, с жизнью, с окружающими его людьми, глубоко понимает их, даря радость и любовь.

И, наверное, последняя картинка и мгновение - церковь Святогорского монастыря, того самого, где находится могила

Пушкина. Когда я зашла внутрь, как будто поймала на себе чей-то грустный и укоряющий взгляд. Не назвала бы себя слишком верующим человеком, но икона Богоматери просто приковала меня. На меня смотрели абсолютно живые глаза, любя, лаская, укоряя, переживая. И я не могла

отвести взгляда. Становилось жутко стыдно за все, что было совершено не так, как было задумано добрым промыслом, а потом, может быть, и мной, за все ошибки, на которых я ничему не смогла научиться. Я стояла и мысленно, тихо-тихо просила прощения за совершенное. Говорят же, что после искреннего покаяния на душу снисходит умиление и счастье, как будто падает какой-то тяжелый груз с души, как будто она освобождается от чего-то ненужного, лишнего и мешающего. Буду скромной, но, когда мои глаза были устремлены на икону, когда я думала о ней и просила прощения, было так хорошо на душе и сердце... Это сложно

передать словами, сложно рассказать об этом, это можно, наверное, только почувствовать и навсегда оставить в сердце. Вспоминая все монастыри и церкви, в которых я была за всю свою жизнь, понимаю, что такое же ощущение у меня было только от Горицкого монастыря (прошлый год, летняя практика, если кто забыл). Может быть, это намоленность таких мест, святость стен, которые слышали, как миллионы людей молили о прощении, о милосердии и счастье, благодарили за то, что уже было дадено. И, входя под эти святые купола, невольно напиваешься проникнутостью этих мест божественной милостью. А может быть, такое чувство умиротворения и всеобъемлющей любви снисходит на человека по мере его духовного роста, когда он готов к этому. Не знаю, да и не могу знать. А вдруг Пушкин точно так же, в тех же стенах, что и мы, смотрел на эту икону? А может быть, не на эту, а на другую? Может быть, именно она вдохновила его на написание «Пророка»?

Когда даже просто подумаешь о том, что Пушкин мог испытывать те же самые чувства, что и ты сам, становится немножко не по себе. Вот идешь по парку и вдруг, ни с того ни с сего понимаешь и осознаешь, что по этой самой тропинке, в общем-то, не так и давно, мчался на своих двоих или скакал на лошади как вихрь сам Пушкин. Странное ощущение - смесь восторга, обескураженности и непонимания, ступора - что? здесь? Пушкин? - и какой-то беспомощности. Ведь сосланный в Михайловское поэт - это не только гений, талант, но и какой-то бесенок, сидящий в нем, съедающий его изнутри, заставляющий иметь место быть порой очень неожиданным событиям - в любом гении есть что-то роковое, демоническое. Был этот зловещий рок и в нем. Ну хотя бы дуэль. У меня появляется ощущение, что как будто было точно, едва ли не математически по формуле задумано и рассчитано, что поэт должен умереть именно в этот день и что его соперник должен остаться в живых: отлично стреляющий Пушкин попадает в пуговицу Дантесу, которая спасает его от смерти, Дантес, благодарный пуговице и Пушкину, фактически стреляет в воздух - а попадает в пушкинский живот (помните, само слово «живот» стало священным для М. Цветаевой, когда она еще маленькой девочкой узнала историю гибели Александра Сергеевича: «Нас этим выстрелом всех в живот ранили»).

Пушкин, который пережил множество дуэлей, имел в этих дуэлях успех, был, наверное, таким же гениальным дуэлянтом, как и поэтом, умирает, считай, от шальной пули. Глупо? - Очень. Парадокс.

Когда-то давно в Петербурге немецкая гадалка открыла поэту, что ему следует опасаться белого человека и белой лошади, и сказала о том, что если он переживет 37-илетний рубеж, то проживет долгую жизнь. Пушкин умер в возрасте 37-и лет, а Дантес имел удивительно светлые волосы. Совпадение? - Да нет. Вероятно, судьба, рок. Но почему судьба так несправедлива к гениям? Им отведен короткий срок на нашей планете. Как знать, может быть потому, что он должен еще успеть переродиться во множестве галактик и везде быть Гением и вселять в души тамошних обитателей что-то им доселе неведомое. Галактик много, а гений - он один на все, вот и не суждено ему подолгу оставаться во всех своих местах временного жительства.

Но все же в любом гении сидит какой-то демон, родственник Демону лермонтовскому - отвергнутому, в чем-то незаслуженно. Ведь похожим образом происходит со многими гениальными людьми - вроде бы они несут свет, несут свое искусство, а их отталкивают, презирают, травят. Уже фактом своего рождения они сброшены с небес, обречены на непонимание. Их творчество - это та же любовь Демона, попытки возвращения к небесам путем дарения света, мудрости, тайн, но люди - видимо, по жестокому божественному промыслу - не принимают и часто даже не видят этих даров. К примеру, нечто подобное было и с Пушкиным. Пушкиным-эпикурейцем и написавшим оду «Вольность» восхищалась чуть ли не вся Россия, а вот Пушкина повзрослевшего очень многие современники не понимают, говорят, что «он исписался». Его стихи поздних периодов, начиная с Михайловского, понимают только близкие ему люди - часто такие же гении, как он, - жестокость со стороны Всевышнего. Разница между ним и Демоном лишь в том, что Демон, будучи дважды отвергнутым небом, больше не хочет, да и не сможет пытаться творить добро. А поэт, гений всегда, каким бы непонимаемым он ни был, всегда будет писать, в этом заключена его жизнь, его судьба, он не может без этого, как

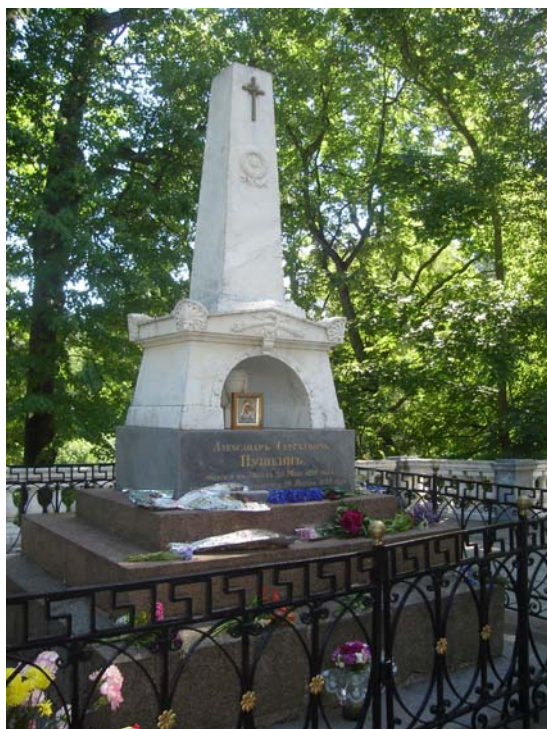
бабочка; обжигая и обжигая тонкие, нежные крылышки, все равно стремится к огню, находя в нем необыкновенную прелесть и умирая ей в жертву.

*Под окном - ветер
Шевелит пушкинские березы.
Словно сонмы прекрасных светил
Они осушают слезы,
Накопленные городом и горем,
Слепой Москвой и одиночеством,
В свои преклонные лета
Сделавшись немым пророчеством.
Пророчеством любви и счастья
Вопреки препятствиям и тьме,
Пусть жизнь, хватая за запястье,
Шепчет тебе и мне,
Что счастье близко и невозможно,
Что человек - лишь горсточка праха,
Что он - только заложник
Слепого провидения и своего знака.
На душу снисходит умиление,
Счастье и светлая грусть.
Березы становятся прозрением
И твердо верят в мира суть.*

21.06.07

...Петербург... Как далек он отсюда, но как тесно связан с этими местами!.. Связан тоненькой, хрупкой ниточкой. Петербург, его образ, явился вдруг передо мной при виде могилы Пушкина. Он, поэт, которого я называю петербургским, похоронен тут, в романтической одинокой дали. Маленький обелиск над могилой напоминал Александрийский столп, что высится над Дворцовой площадью, увенчанный ангелом с крестом в руках. Маленький медный крест украшал и верхушку надгробия. Могила была непредставимо скромна. Ожидалось что-то монументальное, огромное... Как памятник на Черной речке или на Пушкинской площади в столице. Но предстала скромность. Скромность вечного пристанища и на его фоне - нерукотворный памятник, находящийся вне земных границ, а где-то глубже. В душе, в чувствах, в сердце...

После долгого молчания, какого-то короткого замешательства, к подножию тихо легли букеты полевых цветов.

Поезд... Колеса стучали, как стучало сердце, то ли с волнением стремящееся на родину, словно не чувствовало ее уже много лет, словно возвращаясь из ссылки, как Пушкин в кибитке. То ли оно просто разрывалось - оно полюбило. Полюбило страстно и чисто. Полюбило воздух и землю, полюбило камни и деревья... Полюбило все, чем было сложено первое впечатление о маленьком, заповедном для чувств месте на Земле...

Лаптев Михаил, 10г

